

Наталья Смирнова

«Давайте поговорим о Бальзаке»

делах сердечных». На отсутствие неприятностей, однако, пожаловаться было нельзя.

Писатель, который в своих произведениях умел сколотить состояния — и какие! — своим героям (достаточно вспомнить Нусингена, Гобсека или папашу Гранде), так великолепно изучивший тонкости биржевой игры и спекуляций, что теперь его произведения советуют проходить в коммерческих школах, в своей практической жизни был постоянным банкротом. Все его предприятия, будь то типография или издание журнала, проваливались самым плачевным образом. Здесь, в этом доме, на книжных полках рядом с бесчисленными рукописями и гранками, находилась и толстая книга в черном переплете — тоже произведение Бальзака — под названием «Меланхолические счета», то есть счета просроченные или неуплаченные.

Трудно представить себе в этих маленьких тесных комнатах, где Бальзак жил, точнее прятался в течение нескольких лет, мощную фигуру писателя в монашеской рясе, пьющего «поток кофе» и работающего ночи напролет. Его фарфоровая кофеварка с инициалами Н.В. (Honoré Balzac) и с графской короной, к нему никакого отношения не имеющей, хранится в этом доме-музее. Что же касается кофе, то писатель, разумеется, готовил его сам, предвзвешивая весь Париж в поисках лучших сортов — кофе-мокка он покупал на rue l'Université, мартиниканский — на улице Vieilles Haudriettes.

Бальзак в своей «Человеческой комедии» описал не только то, как составляют и теряют состояния, но и характеры тех, кто любил деньги

Оноре Бальзак.

(и не только ради самих денег). Одним из первых он заметил, как расчет самым незаметным образом проникает в чувства самые благородные, чистые и нематериальные. «Любят, потому что любят... Ах, нет, — возражал бальзаковский Растиньяк, — любят по весьма многим причинам».

Самому Бальзаку хорошо был знаком этот сюжет. Он, утверждавший, что женщины заставляют только терять дорогое для писателя время («Лучше ограничиться перепиской с ними, это формирует стиль...»), доведенный до крайности многими обстоятельствами, мечтал о браке как об отдыхе.

«Но где найти жену?» — спрашивал писатель в письме к своему другу. Жену, подходящую, найти

действительно было трудно, так как от невесты он требовал «состояния, молодости, красоты и социального положения». Сам же он мог принести, кроме своего гения, «сто тысяч франков долга». Похоже, пора было отправляться в Россию, хотя Бальзак и не мог знать, что ярмаркой невест (и богатых) была Москва.

Письмо, подписанное «Иностранка», пришло, однако, не из Москвы, а из Одессы, и все знают, чем закончилась эта переписка со всем известной теперь «иностранкой» — Эвелиной Ганской, ставшей в конце концов скорее вдо-

Даффингер. Портрет Э.Ганской.

ствий его женитьбе на госпоже Ганской.

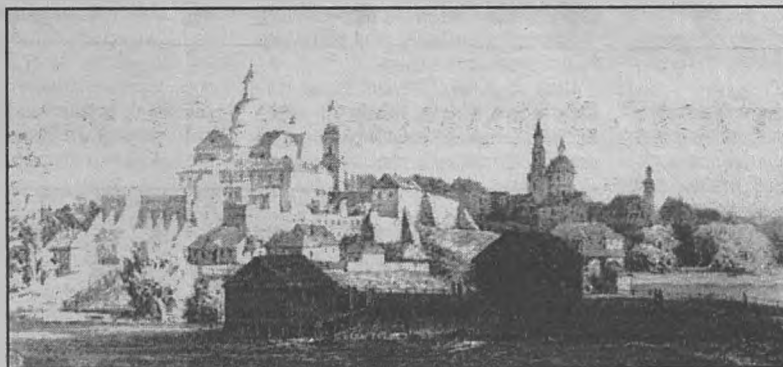
Основным препятствием было то, что в момент предложения ей руки и сердца госпожа Ганская «была в некотором роде замужем», но ее муж был на 22 года ее старше. После его смерти вдова отнюдь не оказалась в одиночестве, а, наоборот, в тесном семейном окружении сестер, тетушек и кузин, одна из которых была той самой Каролиной Собаньской, которой Пушкин в свое время писал: «Je suis né pour vous aimer et vous suivre» («Я рожден, чтобы вас любить и следовать за вами»). Тетушкой, препятствующей браку с иностранцем-французом, была та самая тетя Розалия, мать которой, красавица княгиня Любомирская (родившаяся, кстати сказать, в Чернобыле), была обезглавлена в Париже во времена террора. Да и у самой тетушки остались самые ужасные воспоминания от нескольких месяцев, проведенных в тюрьме во Франции. Поэтому было твердо сказано: «В Париж — никогда!»

Впрочем, находчивый Бальзак нашелся и здесь: «Хотите, я сделаюсь русским?» — предлагает он в письме. И мог бы, вероятно, поскольку в характере его был точно тот размах, который в Европе называют русским, а в России купеческим. Многие, однако, подозревали, что Бальзак любил не столько Ганскую, сколько свою любовь к ней. Но «любят, потому что любят...».

После встречи в 1843 г. в Санкт-Петербурге с только что овдовевшей Ганской, возвратившись в Париж, писатель писал: «Я не могу себе представить, что я в Пасси, я подхожу к окну, и мне кажется, что я увижу и Неву, и Петропавловскую крепость!»

Видеть же он мог только особняк, в котором размещалась в это время клиника для душевнобольных знаменитого в Париже доктора Бланша, которого навещал один из его пациентов, друг Бальзака поэт Жерар де Нерваль. Он-то, несомненно, знал пароль: «Я вам принес брассельские кружева». Ведь именно Жерар де Нерваль советовал когда-то в минуты хандры: «Давайте поговорим о Бальзаке. От этого становится как-то легче»...

Париж

Бердичев, где в марте 1850 года венчались Бальзак и Ганская.

«Я принес брассельские кружева», — фраза-пароль, который когда-то открывал двери дома номер 47 по улице Рейнуар (бывшей Нижней улице) парижского района Пасси. Теперь, чтобы туда войти, можно просто купить билет, так как дом давно уже превращен в музей, посвященный одному из съемщиков, а именно Оноре Бальзаку. Скрываясь от кредиторов, писатель придумал этот пароль: «Я принес вам брассельские кружева», — и в дом его посетители не входили, а, по словам Теофиля Готье, «просачивались, как вино в бутылку». Дом находится в Пасси, в нынешнее время весьма respectableм районе Парижа (в «Пассях» когда-то любили селиться и русские эмигранты «первой волны»), а во времена Бальзака это был зеленый пригород, известный своими минеральными источниками.

Дом, который раньше разыскивали кредиторы, а теперь разыскивают туристы, был расположен на склоне холма и обладал преимуществом, для писателя решающим: он не бросался в глаза прохожим и имел два выхода. На самом деле это был не дом, а только верхняя часть крыла особняка, выстроенного в форме подковы в 18-м веке для Нозля Галле, придворного королевского художника. (В этом крыле когда-то размещались оранжерея и зал для спектаклей).

Уже во времена Бальзака от особняка Нозля Галле ничего не осталось, кроме воспоминаний, и кажется, они не были известны писателю, так как могли бы послужить «сюжетом для небольшого рассказа». Обитателями его в разное время были, например, друг художника Ватто Жан де Жюльен или в период Великой революции актриса Луиза Конта, принимавшая участие в первой постановке «Женитьбы Фигаро» Бомарше.

Дом был снят Бальзаком, разумеется, на чужое имя, на имя близкой его сердцу экономки мадам де Бруньоль. Впрочем, дворянская приставка «де» была ей пожалована самим писателем. И пока кредиторы стучались в одну дверь, которую мадам де Бруньоль не открывала, не услышав условной фразы, писатель всегда имел возможность ускользнуть в дверь другую. Впрочем, бегал он не только от кредиторов, но и в поисках мебели, разумеется антикварной, несмотря на отчаянное отсутствие денег, твердо помня, что «плохие денежные дела — это только неприятности, настоящие же горести и несчастья бывают только в

вой, чем женой писателя.

Как известно, Бальзак венчался в Бердичеве в марте 1850 года и умер через несколько месяцев в Париже. Странным образом, даже революция вмешалась в личную жизнь писателя, явившись одним из многих препят-